

Т.И. ЗАСЛАВСКАЯ*

Постсоциалистический трансформационный процесс в России

В статье рассматривается процесс постсоциалистической трансформации России. На основе анализа социальной структуры российского общества, его социальной стратификации и социокультурной дифференциации делается вывод, что трансформационный процесс в России к 1996 г. в лучшем случае находится на полпути. Ассоциальный характер мер, осуществлявшихся либеральными реформаторами, завёл реформы в тупик. Новая социальная политика должна быть направлена на решение таких задач, как правовое и моральное очищение правящего слоя, содействие развитию социально-инновационной деятельности массовых слоёв общества, становление социально-партнёрских отношений во всех сферах жизни общества.

Ключевые слова: общество, социальная трансформация, социальный тип, социальная структура, система общественных институтов, институциональная подструктура, социально-групповая подструктура, социальная стратификация, социокультурная дифференциация, социально-стратификационная шкала, социальные слои

Переживаемый Россией период глубоких общественных перемен в разное время называли ускорением, перестройкой, революцией, радикальными реформами, переходом (без указания «от чего» — «к чему»). И только в последние годы было найдено понятие, наиболее адекватно выражающее суть и особенности происходящего в России процесса. Это понятие — социальная трансформация общества, изучению одного из аспектов которой посвящено наше исследование. Его цель — разобраться на примере России в сущности трансформационных процессов, протекающих в постсоциалистических обще-

ствах; изучить движущие силы и социальные механизмы этих процессов; в более же конкретном плане — исследовать связь между социальной стратификацией названных обществ и их социально-инновационным потенциалом.

Сущность трансформации постсоциалистических обществ

Под социальной трансформацией я понимаю обусловленное внешними факторами и внутренней необходимостью постепенное, не связанное со сменой правящей элиты, но в то же время радикальное и относительно быстрое *изменение социальной природы, или социэ-*

* Заславская Татьяна Ивановна — академик РАН, доктор экономических наук.

тального типа общества. Движущими силами этого процесса являются, с одной стороны, правящая элита с примыкающей к ней высшей бюрократией, а с другой — социально зрелые, дееспособные и активные представители массовых общественных групп, в первую очередь — средних слоёв. Остальная часть общества оказывает влияние на преобразование общества преимущественно через выбор своих адаптационно-поведенческих стратегий. В целом процесс социальной трансформации является скорее стихийным, чем планируемым и управляемым.

Главными чертами, отличающими трансформацию от перечисленных выше альтернативных понятий, служат: 1) направленность на изменение не отдельных частных сторон, а сущностных черт, определяющих социальный тип общества; 2) постепенность и относительно мирный характер протекания; 3) неизбежность, длительность и глубина аномии, обусловленной опережающим разложением старых общественных институтов по сравнению с созданием новых; 4) принципиальная зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения не только правящей верхушки, но и массовых общественных групп; 5) слабая управляемость и предсказуемость процесса, важная роль стихийных элементов развития, непредрежённость его итогов.

Социальная трансформация общества — намного более сложный и менее изученный процесс, чем целевое реформирование обществ, сохраняющих свою типологическую идентичность. Понятие *социальный тип общества*, на мой взгляд, синонимично *общественному устройству*, эмпирическим референтом которого служит *система общественных институтов*. Поэтому главным и прямым результатом трансформационного процесса служит качественное преобразование основополагающих, или типобразующих, институтов данного общества. Как мне представляется, социальный тип общества задаётся качественным состоя-

нием четырёх макроинститутов, а именно: а) легитимностью, демократичностью и эффективностью власти; б) структурой, развитостью, легитимностью и защищённостью собственности; в) многообразием и зрелостью структур гражданского общества; г) широтой и надёжностью прав и свобод человека.

Прямым результатом трансформации общества служит преобразование названных институтов (например, приватизация государственной собственности, становление президентской республики и т.п.). Однако само по себе оно служит лишь внешним показателем социальной трансформации общества. Более глубинным результатом последней является изменение его социально-групповой структуры (в первую очередь — её классовой и стратификационной проекций). Институциональная и социально-групповая (социальная в узком смысле) структуры представляют собой различные, но неразрывно связанные стороны более сложного и многомерного феномена — социальной структуры общества в широком смысле. Причём институциональная подструктура расположена ближе к поверхности общественной жизни, носит более явный характер и значительно более управляема, а социально-групповая, напротив, более скрыта, латентна, требует углублённых методов изучения и не приемлет прямых способов управления.

Преобразовать социально-групповую структуру общества можно лишь косвенно — через реформирование основополагающих институтов. Зато любое существенное изменение последних неизбежно вызывает сдвиги в социально-групповом строении общества. В этом смысле институциональную подструктуру можно назвать «ведущей», а социально-групповую — «ведомой». Однако это не значит, что первая подструктура в известном смысле приоритетна по сравнению со второй. С точки зрения итогов социальной трансформации общества, положение обратное: более весомыми критериями их оценки

служат сдвиги в социально-групповой подструктуре.

Важнейшим типологическим качеством последней является характер социальной стратификации, т.е. разделения общества на иерархические слои, различающиеся типом деятельности, уровнем социального статуса, образом жизни и престижем. Критериями стратификации индивидов и групп служат управленческий потенциал, выражающийся в объёме властных и управленческих функций; экономический потенциал, измеряемый масштабами собственности и доходов; социокультурный потенциал, отражающий уровень социализации, образованности и профессионализма субъектов, а также социальный престиж, концентрированно отражающий все эти признаки в сочетании с качеством жизни. Названные критерии образуют относительно независимые «оси» стратификационного пространства.

На наш взгляд, свидетельством либерализации и демократизации российского общества могут служить такие сдвиги в социальной структуре и стратификации постсоциалистических обществ, которые: а) ведут к улучшению положения массовых слоёв и групп, расширению их прав и свобод; б) сокращают социальную пропасть между «верхами» и «низами» общества, содействуют преодолению их культурного раскола; в) усиливают связь между трудом и доходом, повышают зависимость социального статуса от профессионально-квалификационного и культурного потенциала групп; г) способствуют устойчивому развитию средних слоёв; д) интенсифицируют и легитимизируют социальную мобильность; е) позволяют перекрывать криминальные каналы формирования элитных групп.

И всё-таки наиболее надёжным критерием направленности трансформационного процесса, свидетельством того, ведёт ли он к модернизации или регрессу, деградации общества, служат направления социокультурных сдвигов. Они определяются, с одной стороны, изменениями институцио-

нальной и социально-групповой структур общества, а с другой – влиянием внешних факторов, в нашем случае, прежде всего, современной культуры Запада. Характер социокультурных сдвигов характеризует наиболее глубинные и долгосрочные результаты социальной трансформации [1].

Движущие силы и механизм трансформации постсоциалистических обществ

Движущими силами трансформационного процесса в той или иной степени являются все элементы социальной структуры общества, хотя формы, механизмы и эффективность их участия в этом процессе не одинаковы. Интенсивность и направления трансформационной активности (деятельности и поведения) разных общественных групп определяются, во-первых, имеющимися у них возможностями воздействия на трансформационный процесс, тесно связанными с положением на стратификационной шкале; во-вторых, их принадлежностью к выигравшим или проигравшим в результате совершившихся общественных перемен; и в-третьих, их социокультурными характеристиками: структурой ценностей, потребностей, интересов и мотиваций.

Систему социальных макросубъектов (классов, слоёв, общественных движений, политических партий, корпораций и проч.), различающихся направлениями своих интересов, типами трансформационной активности и функциями в инновационном процессе, я называю *трансформационной структурой общества*. Это понятие вводится на правах гипотезы, согласно которой множество конкретных «проекций» социальной структуры, «порождающих» разнотипные субъекты трансформационной активности, взаимосвязано и при достаточно обобщённом подходе образует *целостную макроструктуру*, отражающую *движущие силы трансформационного процесса*.

Социальный механизм, порождающий, регулирующий и направляющий этот про-

цесс, можно представить с помощью следующей аналитической схемы. Выделяются три крупных блока механизма: «результативный», «двигательный» и «передаточный». *Результативный блок* отражает содержание и основные итоги процесса. Он представлен главными объектами трансформации: основополагающими институтами, социальной структурой и социально-экономическим потенциалом общества. *Энергетический блок* отражает движущие силы процесса и представлен трансформационной структурой, характеризующей движущие силы процесса. *Передаточный блок* механизма характеризует способ реализации процесса. Его элементами являются, с одной стороны, функциональные типы трансформационной активности (целевая реформаторская деятельность, массовая социально-инновационная деятельность и реактивно-адаптационное поведение), а с другой — многосубъектные (и потому как бы бессубъектные) политические, экономические, социальные и культурные макропроцессы, непосредственно изменяющие характер общественных институтов [2]. Особое место в рассматриваемом механизме занимает социокультурная структура общества, в основе которой лежат особенности общенациональной российской культуры, а также формирующих её субкультур. Названная структура служит одним из главных факторов, формирующих систему макросубъектов трансформационного процесса и тем самым определяющих социально-инновационный потенциал российского общества.

Трансформационная активность общественных групп и слоёв выражается в формах как деятельности, так и поведения. С точки зрения социального механизма, наиболее значимы два типа трансформационной деятельности. Первым является *целевая реформаторская деятельность*, непосредственная задача которой — преобразование институциональной структуры общества через изменение действующих правовых и административных норм, определяющих «правила

игры» в тех или иных сферах. Ко второму типу относится *массовая инновационно-предпринимательская деятельность*, субъекты которой используют, развивают и закрепляют новые нормы и правила, тем самым перестраивая соответствующие институты уже в их социологическом понимании в качестве массовых социальных практик.

Оба типа трансформационной деятельности могут оцениваться с точки зрения их качества в данном обществе, причём критерии их оценки разными социальными субъектами часто совершенно различны. Так, качество целевой реформаторской деятельности оценивается по меньшей мере по четырём критериям. Команда реформаторов, как правило, подтверждает эффективность своей деятельности результатами реального, а иногда и формального преобразования общественных институтов. Массовые группы (народ) судят о результатах той же деятельности преимущественно по сдвигам в социальной структуре. Интеллигенция и учёные гуманитарного профиля концентрируют внимание в первую очередь на сдвигах в социокультурной сфере. Оппозиционных же политиков и СМИ интересует прежде всего степень удовлетворения реформаторами своих корыстных интересов. Аналогично обстоит дело и с оценкой массовой инновационно-предпринимательской деятельности. Для того, чтобы все эти субъекты могли вести цивилизованный дискурс, нужно прежде всего научиться слышать друг друга, говорить на одном языке. Причём пример в этом отношении, очевидно, должна показать общественная наука.

Из всех видов массового поведения населения для трансформационного процесса наиболее важны адаптационное и реактивно-протестное. В стабильных обществах под адаптационным поведением обычно понимается приспособление субъектов к социальной среде путём освоения и принятия свойственных ей норм, ценностей и форм социального

действия. Но в условиях крутых перемен, когда нормы и ценности теряют стабильность, содержание этого понятия меняется. Основной смысл его перемещается в этом случае на *поиск новых способов действий*, соответствующих меняющимся условиям и правилам игры [3]. Что касается *реактивной* составляющей трансформационного поведения, то она носит преимущественно *протестный характер*, отражая *непосредственный отклик* субъектов на ухудшение институциональных условий их жизнедеятельности.

Хотелось бы подчеркнуть, что понятие *трансформационной активности* носит строго функциональный характер: оно охватывает все виды активности, способствующие преобразованию типобразующих институтов, и исключает все виды активности, не имеющие к этому прямого касательства. В содержательном плане это понятие не знает ограничений: оно охватывает практические и духовные, созидательные и разрушительные, легальные и криминальные, моральные и аморальные виды активности. Это означает, что трансформационная активность членов постсоциалистических обществ не имеет *имманентно присущей социальной направленности*. Практически реализующееся в той или иной стране направление преобразований общества зависит в первую очередь от особенностей *его трансформационной структуры*, взаимодействие и борьба разных элементов которой служат движущей силой рассматриваемого процесса.

Реальное (в противоположность чисто формальному) преобразование системообразующих институтов общества служит *непосредственным* фактором сдвигов в социальной структуре. Обратное же влияние социальной структуры на динамику общественных институтов *опосредуется трансформационной структурой*. Для понимания механизма и прогнозирования дальнейшего хода общественных перемен необходимо знание не столько социальной стратификации

общества, сколько его трансформационной структуры. В действительности же она изучена как минимум *на порядок слабее*, чем стратификация общества. На мой взгляд, это объясняется тем, что *трансформационная структура* формируется под влиянием по меньшей мере двух примерно равно значимых факторов: во-первых, *социальной стратификации* общества, определяющей возможности, способы и механизмы участия общественных групп и слоёв в трансформационном процессе, и, во-вторых, *социокультурной дифференциации*, которая задаёт цели и ценности, определяющие субъективную мотивацию, а соответственно – и содержательную направленность трансформационной активности этих субъектов.

Как мне представляется, соответствующий аспект социокультурных процессов в России изучается недостаточно интенсивно. Исследований, направленных на решение частных задач, в этой области выполнено немало, но, к сожалению, их результаты не складываются в целостную картину разделения общества на группы, характеризующиеся специфическими культурными позициями по отношению к происходящим процессам. И это, разумеется, не случайно. Эмпирическая идентификация элементов и связей трансформационной структуры в социальном масштабе представляется необычайно сложной, так как на разных уровнях социальной реальности существует множество «активных» структур, по-разному влияющих на трансформационный процесс. В качестве их агентов выступают региональные и локальные образования, политические партии, экономические группировки, национальные и культурные движения. Причём названные «срезы» трансформационной структуры не сводятся друг к другу, а лишь частично пересекаются. Индивиды, однозначно идентифицируемые в модели социальной стратификации, едва ли могут быть жёстко зафиксированы в системе координат трансформационной структуры, поскольку в большинстве случаев зани-

маемые ими позиции в её рамках нечётки и нестабильны.

В следующем разделе я попытаюсь раскрыть более конкретное содержание одной из связей изучаемого социального механизма. Она отражает зависимость трансформационной структуры общества от его социальной структуры, точнее от её стержня — социальной стратификации.

Социальная стратификация российского общества

Эмпирическая часть нашего исследования направлена на то, чтобы, во-первых, определить характер основных сдвигов, происшедших в последние годы в социальной структуре России; во-вторых, охарактеризовать социальную стратификацию её современного общества; в-третьих, оценить влияние стратификации на трансформационную структуру и реформаторский потенциал общества, его способность к дальнейшему самореформированию. Исследование базируется на вторичном анализе данных социологического мониторинга ВЦИОМ «Социальные и экономические перемены в России». Опросы населения проводятся раз в два месяца на основе репрезентативной общероссийской выборки, охватывающей от 2,5 до 4 тыс. человек. Банк данных мониторинга содержит результаты более чем 40 опросов, проведённых с марта 1993 по январь 1998 г. Общее число занятых в народном хозяйстве респондентов превышает 45 тыс. человек.

К сожалению, мониторинг ВЦИОМ, как и другие массовые опросы, не даёт возможности изучить крайние общественные группы: политическую и экономическую элиту, с одной стороны, и «социальное дно» — с другой. Не удаётся уловить и группы, включённые в теневые полукриминальные и чисто криминальные отношения. Свои суждения об этих группах мы основываем на данных специализированных социологических исследований, проводимых другими авторами. Анкета мониторинга содержит около 60 постоянных вопросов, что позволяет анализировать

объединённые массивы, например, относящиеся ко всем месяцам каждого года. Это повышает надёжность данных и даёт возможность отслеживать динамическое развитие процессов.

Приступая к эмпирическому исследованию социальной структуры современного российского общества, мы исходили из предварительно разработанной теоретической гипотезы состава её групп и слоёв, базировавшейся на анализе научной литературы. Для идентификации гипотетических социальных групп российского общества был разработан многошаговый алгоритм, позволявший учитывать разные показатели экономического, политического, социально-профессионального и культурного статусов респондентов. Главными из них были основное занятие, род деятельности, профессионально-должностное положение, уровень образования, квалификация, отрасль занятости, тип организации (предприятия, фирмы) по форме собственности, размер организации по числу работников, уровень основных и дополнительных денежных доходов респондента, тип места жительства по шкале «Урбанизированное».

Отличительная особенность использованной методики заключалась в том, что эти *статусные признаки* рассматривались не как равнозначные, а как образующие *иерархическую структуру*, причём каждая социальная группа идентифицировалась по такому набору признаков, который, с нашей точки зрения, достаточно полно отражал её социальную сущность.

В качестве социальных слоёв рассматривались агрегаты общественных групп, получивших относительно близкие экспертные оценки совокупного общественного потенциала (но, как правило, различавшиеся уровнем и соотношением его конкретных компонентов). В результате ряда итераций, направленных на уточнение получаемых результатов, была построена эмпирическая модель социальной структуры работающего населения России, включавшая 4 социальных слоя, объеди-

нявших 14 групп (подробнее методика расчётов описана в [3]).

В 1996 г. (с учётом не попавших в выборку элит и «социального дна») эта модель выглядела примерно так:

1. Правящая политическая и экономическая элита (0,5%).
2. Верхний слой: крупные и средние предприниматели, директора крупных и средних приватизированных предприятий (6,5%).
3. Средний слой: мелкие предприниматели, самозанятые, полупредприниматели, менеджеры производственной сферы, руководители учреждений бюджетной сферы, высшая интеллигенция (профессионалы умственного труда), офицеры силовых структур (20%).
4. Базовый слой: массовая интеллигенция, полуинтеллигенция (технические служащие), рабочая элита, работники торговли и сервиса, рабочие средней квалификации, крестьяне (61%).
5. Нижний слой: неквалифицированные рабочие, работники без профессий, временно безработные (7%).
6. Социальное дно: хронически безработные, бездомные, беспризорные, бродяги, алкоголики, наркоманы, проститутки, мелкие преступники и другие группы, социально исключённые из «большого общества» (5%).

Как видно из этих данных, стратификационная модель России является переходной от пирамидальной к веретенообразной. Её переходность проявляется в том, что большинство россиян составляет не высокоразвитый средний слой, как на Западе, а слой, который назван нами базовым, занятый низкооплачиваемым исполнительским трудом. В то же время доля нижнего слоя, даже с добавкой социального дна, оказывается намного меньшей, чем базового. Формально говоря, такое строение ближе к веретену, чем к пирамиде, но это качественно иная модель, чем на Западе. Резко опущенный центр тяжести делает его похожим, скорее, на детский волчок.

Основные направления стратификационных сдвигов

Посмотрим, как изменения социальной стратификации постсоциалистического российского общества соотносятся с критериями либерально-демократического прогресса, названными в первом разделе.

1. Распад регулировавших социальную мобильность политических институтов обусловил *либерализацию самого процесса* формирования и преобразования социальной структуры. Последняя стала менее жёсткой, более диверсифицированной и подвижной. Возросло многообразие социальных статусов. Началось активное размывание старых и формирование новых общественных групп. Открылись новые каналы повышения статусов, усилились горизонтальная и вертикальная социальная мобильность россиян. Однако нисходящая мобильность крупных социальных групп и слоёв доминирует над восходящей мобильностью, носящей строго индивидуальный характер.
2. Существенно изменилась сравнительная значимость компонентов социального статуса. Если стратификация советского общества базировалась, в первую очередь, на административно-должностном критерии, связанном с местом работников в системе власти и управления, то теперь решающую роль приобрёл критерий собственности и доходов. Связь между политико-управленческим и экономическим элементами статуса не только усилилась, но и изменила свой знак: раньше материальное положение людей определялось уровнем занимаемых должностей, а теперь их политический вес всё больше определяется величиной капитала.
3. Роль профессионально-квалификационного и культурного факторов в формировании *высокостатусных* групп усилилась, а в социальной дифференциации основной части общества существенно *ослабела*. О первой тенденции свидетельствуют, в частно-

- сти, повышение образованности элиты и верхнего слоя, интенсивное социальное расслоение интеллигенции и рабочего класса по профессионально-квалификационному уровню, рост инструментальной ценности высшего образования в глазах молодёжи. Однако это относится лишь к тем видам образования, которые пользуются спросом на рынке, в первую очередь — экономическому, юридическому и управленческому. Инженерное, социальное и гуманитарное образование востребуются намного меньше, что отражает реакцию молодёжи на резкое снижение статуса специалистов, профессии которых связаны с работой в бюджетном секторе и не имеют прямого касательства к рынку (инженеров, учителей, врачей, работников культуры, искусства и науки).
4. Локализм и замкнутость региональных рынков труда в условиях отсутствия общероссийского рынка и ограниченной территориальной подвижности работников не только породили значительную застойную безработицу, но и ослабили зависимость доходов работающего населения от факторов, связанных с личными трудовыми усилиями. Например, в 1996 г. средний уровень душевых денежных доходов москвичей, по данным ЦСУ, превышал средние доходы жителей беднейших регионов в 9,5 раза, а всех жителей провинциальной России в 3,2 раза¹. С поправкой на разную стоимость жизни различия в уровне реальных доходов москвичей и остальных россиян составили соответственно 2,6 и 6,2 раза, что вряд ли можно объяснить различиями в квалификации работников [4, 5]. Чрезвычайно резки различия в оплате труда в частном и государственном секторах экономики.
  5. Снизилась и без того невысокая легитимность статусов верхних групп и слоёв, социальное восхождение которых было неразрывно связано с корыстной теневой и криминальной деятельностью. Резко возросла дифференциация населения в зависимости от таких прескриптивных признаков, как пол, возраст, национальность. В российских условиях к этим признакам прибавляются регион и тип поселения (столица, крупный или малый город, моногород, или «город-ловушка», крупное центральное село, периферийная деревня), так как неразвитость жилищного рынка и общий недостаток жилья снижают территориальную мобильность работников, искусственно удерживая их в городах и посёлках с высоким уровнем безработицы. В результате, согласно обществу мнению, общество стало ещё менее справедливым.
  6. Во много раз возросла социальная поляризация групп и слоёв. Экономический статус и образ жизни элит, субэлитных групп, верхнего слоя достигли невиданного прежде уровня, а базового и нижнего слоёв — резко снизились. Расширились границы нищеты и бедности, ускорилась люмпенизация населения, резко выросло социальное «дно». По уровню дифференциации доходов Россия оказалась среди развивающихся стран Африки и Латинской Америки. Децильный коэффициент фондов денежных доходов работающего населения перешагнул уже 20 раз.

Реформаторский потенциал слоёв российского общества

Правящая элита

К этому слою российского общества относятся руководители властных структур и политических партий, верхнее звено государственной бюрократии, а также собственники крупного капитала. За годы реформ персональный и социальный его состав существенно обновился. Но произошло это, главным образом, за счёт экономического крыла элиты, в то время как

¹ Правда, по данным мониторинга, аналогичный показатель не превышает 1,6–1,7 раза.

состав её политического крыла не столько сменился, сколько перегруппировался. Как показывают многочисленные исследования, большей части партийно-комсомольской номенклатуры удалось сохранить высокий статус, конвертировав свой политический и социальный капитал в экономический. При этом на ведущие позиции выдвинулся «второй эшелон» номенклатуры, в то время как первый был вынужден отойти на менее престижные роли [6, 7]. Важным социальным результатом реформ стало заметное повышение статуса и роли региональных элит, вызванное ослаблением центральной власти и тенденцией к суверенизации территорий.

Во второй половине 1980-х гг. правящая элита России открылась для выходцев из других слоёв общества. В результате к политической власти в целом пришли более молодые, лучше образованные, рационально-прагматичные и современные люди. По общепрофессиональным и социальным качествам они значительно превосходят своих советских предшественников, однако большинство из них не имеет требуемого опыта управления экономическими и политическими процессами. Оставляют желать много лучшего и морально-этические качества новой элиты. К тому же, уже в 1990-х гг. вновь проявилась тенденция к её замыканию, приток новых сил на общественный Олимп практически прекратился. В настоящее время российская элита так же замкнута и противопоставлена обществу, как прежде коммунистическая номенклатура.

Экономическое крыло верхнего слоя сформировалось в результате трёх основных процессов: «отмывания» приобретённых в советское время теневых капиталов, сращивания бизнеса с государственным управлением и приватизации государственной собственности. Стремительная приватизация экономики привела к концентрации большинства российских богатств в руках узкого круга более или менее случайных собственников, большинство из которых несколько лет назад

и не думали о подобной возможности. Самая мощная часть этой группы возникла в результате акционирования крупнейших промышленно-финансовых корпораций и естественных монополий. По утверждению одного известного банкира, половиной российской экономики сейчас управляют семь корпораций, по аналогии с российским средневековьем, названных журналистами «семибанкирщиной». Тесное и взаимовыгодное сращивание с государством позволяет им использовать общенациональные ресурсы для частного присвоения гигантских прибылей.

Основной интерес современной правящей элиты заключается в том, чтобы сохранить и укрепить завоёванный статус. Но современная верхушка российского общества живёт как бы на вершине просыпающегося вулкана, что неудобно и опасно. Для полного счастья элите не хватает даже относительной социальной стабильности. Для того же, чтобы её добиться, надо вывести хозяйство страны из кризиса, установить элементарный правовой порядок и улучшить положение народа хотя бы до уровня, исключающего социальные катаклизмы. Что касается более долгосрочных задач, таких как развитие социальной рыночной экономики или создание государства благосостояния, то российскую элиту они мало волнуют. Несмотря на тенденцию к стабилизации её персонального состава, большинству её представителей по-прежнему свойственны черты *временщины* — ориентации на решение ближайших задач, связанных с удержанием власти и собственности. Как мне представляется, стратегический интеллектуально-реформаторский потенциал правящего класса России выглядит достаточно ограниченным.

Верхний (субэлитный) слой

В нашем исследовании этот слой представлен собственниками средних и относительно крупных фирм, директорами крупных и средних приватизированных предприятий, а также наиболее состоя-

тельной частью других групп занятого населения (главным образом, менеджеров и специалистов бизнес-профессий). Это на три четверти мужчины, почти 90% которых молоды или находятся в среднем возрасте. Две трети имеют высшее образование, а большинство остальных — среднее специальное. Это наиболее урбанизированный слой: 37% его представителей живут в Москве или Санкт-Петербурге и 29% — в других крупных городах.

Даже явно заниженный уровень доходов, названный представителями этого слоя интервьюерами ВЦИОМ, впятеро превышает средний уровень доходов занятого населения России. 63% этих людей живут достаточно, и ещё 30% — зажиточно, причём их доходы растут заметно быстрее, чем цены. Индекс самооценки материального положения здесь в 6 раз выше среднего¹. Вместе с элитой этот слой образует те 7% процветающих россиян, которые с теми или иными колебаниями обнаруживаются практически во всех исследованиях социальной структуры России. Так, по подсчётам Н.М. Римашевской, 5,5% богатых и очень богатых граждан России владеют 72% денежных сбережений физических лиц [8], причём к этому надо добавить практически все средства, хранимые за рубежом.

Естественно, что настроение верхнего слоя отличается социальным оптимизмом, индекс которого почти в 2,5 раза выше среднего для россиян². Почти половина представителей этого слоя полагают, что «всё не так плохо, и жить вполне можно», большинство остальных — что «жить трудно, но терпеть можно» (в среднем с такими суждениями согласны соответственно 7 и 40% занятого населения России; остальная же его часть утверждает, что больше не может «терпеть своё бедственное положение»). В верхнем слое сильнее, чем

в остальной части общества, вера в возрождение России и совершенно нет ностальгии по прошлому. Более половины его представителей демонстрируют высокую социально-инновационную энергию и рассматривают свою общность в качестве силы, способной вывести Россию из кризиса.

Однако некоторые характеристики этого слоя ставят под сомнение его способность служить движущей силой реформ. Дело в том, что его процветание происходит на фоне и в окружении массовых слоёв общества, испытывающих огромные трудности. Причём рядовые россияне хорошо понимают, что полученный верхним слоем экономический и политический выигрыш от реформ представляет не что иное, как проигрыш остальной части общества. В связи с этим статус данного слоя в массовом сознании скорее нелегитимен. Броский демонстративно расточительный образ жизни немногочисленного верхнего слоя воспринимается обедневшим и уставшим обществом как вызов и усиливает его отчуждение. Этот эффект ещё усиливается тесной связанностью верхов общества с криминальными структурами, их глубокой коррумпированностью, постоянными финансовыми скандалами и проч. Коротко говоря, новый верхний слой не пользуется каким-либо доверием общества и не воспринимается в качестве лидера. В социальном плане — с точки зрения положения и интересов — этот слой скорее *противостоит* остальному обществу. Поэтому он вряд ли способен сыграть роль интегратора нации и инициатора её возрождения.

Средний протослой

Около двух пятых этого элемента социальной структуры составляют мелкие

¹ Индекс самооценки материального положения рассчитывается как отношение доли респондентов, оценивших своё положение как «хорошее» или «среднее», к доле респондентов, оценивших его как «плохое» или «очень плохое».

² Индекс социального настроения слоёв рассчитывается как отношение доли респондентов, назвавших своё настроение «прекрасным» или «спокойным, ровным», к доле тех, кто часто испытывает «напряжение, раздражение» или «тревогу, страх».

предприниматели и менеджеры, несколько больше — квалифицированные специалисты («профессионалы»), и примерно одну пятую — «служилые люди» — среднее звено бюрократии и офицеры. Фактором, объединяющим эти группы, служит срединное положение на социально-стратификационной шкале. Однако они мало напоминают средние классы современных западных обществ. Статус большинства из них неконсистентен и нестабилен, состав — текуч, а субъективная идентификация со средним слоем слаба и расплывчата. Группы, относимые нами к среднему слою, не похожи друг на друга ни положением, ни социокультурным обликом, их совокупность социально гетерогенна. Так, например, группа профессионалов выделяется высоким культурным потенциалом и развитым образом жизни; группа предпринимателей и менеджеров — значительными размерами капитала, наличием собственного бизнеса, высоким доходом, а группы бюрократии и офицерства — местом в государственном управлении обществом и распоряжении общественными ресурсами. В целом эти группы не образуют целостного элемента социальной структуры общества, их агрегат — это скорее зародыш полноценного среднего слоя, своего рода протослой.

В рамках этого протослоя мужчины и женщины соотносятся как 5 : 4, по своему возрастному составу он почти не отличается от среднего, образование же его представителей довольно высокое: примерно три пятых окончили вузы и четверть — техникумы. С этим коррелирует наиболее высокая самооценка своих профессионально-квалификационных качеств. Индекс урбанизированности мест проживания среднего слоя¹ равен 1,24. Это значит, что большинство его представителей живут в крупных городах и столицах. Это относится, в первую очередь, к профессионалам и государственным служа-

щим (индексы урбанизированности мест проживания соответственно 1,91 и 1,21), большинство же представителей бизнес-слоя живут в средних и малых городах, рабочих посёлках или сёлах.

Структура занятости разных групп среднего протослоя весьма различна. Почти две трети бизнесменов заняты в частном секторе экономики и только 15% — в государственном. В то же время 90% профессионалов, бюрократов и офицеров работают в государственном секторе. Уровень доходов среднего протослоя в 2,5–3 раза ниже, чем у верхнего слоя. Из каждой десяти семей семь-восемь балансируют здесь между нуждой и достатком, одна живёт бедно и одна-две зажиточно. При этом уровень благосостояния профессионалов и среднего звена бюрократии заметно выше, чем представителей бизнес-слоя, около 20% которых живут за чертой бедности. Это объясняется мелкими размерами индивидуальной трудовой и предпринимательской деятельности, а также налоговой и иной политикой государства, ставящей российское предпринимательство в трудные экономические условия.

Однако большинство представителей среднего протослоя не бедствуют: уровень их доходов примерно вдвое выше, чем базового слоя, индекс самооценки материального положения семей на 42% выше среднего уровня (но в четыре с лишним раза ниже, чем верхнего слоя). Позитивные оценки социального настроения преобладают над негативными; поддержка либеральных реформ встречается вдвое чаще, чем в базовом слое. Таким образом, статус среднего протослоя оставляет некоторые ресурсы и возможности для различных видов инициативной социально-инновационной деятельности, начиная с хозяйственного предпринимательства и заканчивая социально-организационным экспериментированием в сферах образования, медицины, науки или культуры.

¹ Индекс урбанизации расселения общественных групп рассчитан как отношение доли жителей столиц и крупных городов к доле жителей малых городов, ПГТ и сёл.

Важно отметить, что за три года — с 1993 по 1996 г. — доля среднего протослоя в занятом населении страны увеличилась с 14,5 до 21,1%. Это было связано с такими процессами, как развитие предпринимательства, приватизация экономики, повышение статуса государственных служащих и социальное расслоение интеллигенции.

Высокий профессионально-квалификационный потенциал, благоприятная структура занятости, сравнительно терпимое материальное положение, относительная многочисленность и тенденция к дальнейшему расширению позволяют рассматривать средний протослой как потенциальную движущую силу трансформационного процесса. Более того, несмотря на неблагоприятные экономические условия своей деятельности, этот слой уже сейчас вносит весомый вклад в либерализацию институтов власти и собственности на территории всей России.

Базовый слой

Этот наиболее массивный элемент социальной структуры представлен «средними» рядовыми россиянами. Подавляющую часть их составляют работники средней и невысокой квалификации, занятые исполнительским трудом по найму. Три четверти из них работают в государственном секторе и только 9% — в частном. Это пролетаризированная интеллигенция, полупролетаризированная интеллигенция (технические служащие), рабочие, крестьяне, низовые работники торговли и сервиса. 55% базового слоя составляют женщины, чаще среднего и старшего возраста с образованием в пределах школы или техникума. Большинство его представителей живут в средних и небольших провинциальных городах, сёлах и деревнях.

Реформы сильнее всего ударили по благосостоянию именно этого слоя, поэтому его материальное положение трудно. Значительная часть его представителей месяцами не получают зарплаты, пополняют ряды безработных, не знают, чем накормить детей и на что купить лекарства.

Четыре–пять лет назад почти половина (46%) его представителей жила за чертой бедности, остальные — на уровне прожиточного минимума. Но в последние годы их материальное положение заметно улучшилось: в 1995 г. доля бедных составила одну треть, а в 1996 г. — менее 20%. Сказанное приводит к выводу, что основная часть базового слоя так или иначе адаптировалась к новой реальности, по необходимости приняла на себя ответственность за своё выживание и в борьбе за него проявляет немало инициативы. Главными средствами адаптации представителей этого слоя к новым условиям служат двойная или тройная занятость взрослых членов семей, использование труда детей и подростков, производство сельскохозяйственной продукции в личных подсобных и садовых хозяйствах, замена оплачиваемых бытовых услуг своим трудом, использование любых возможностей случайного приработка, сочетание основной работы с мелкой розничной торговлей и т.д. Практикуются и менее почтенные занятия — такие как растаскивание «плохо лежащих» ресурсов, участие в разных теневых операциях и др.

Однако вести повседневную борьбу за существование нелегко. Её следствиями становятся тяжёлые хронические болезни, массовые неврозы, стрессы, психические расстройства и даже самоубийства, количество которых увеличилось в несколько раз. Настроение базового слоя пока что пессимистично: три четверти его представителей хотели бы жить в брежневское время, а нынешнюю жизнь выбрал бы один из восьми. Три пятых формирующих этот слой «средних россиян» постоянно испытывают напряжение, раздражение, страх или тоску. Две пятых говорят, что больше не в состоянии терпеть своё бедственное положение, подтверждая это оппозиционным голосованием на выборах и акциями открытого протеста. Тот социально-инновационный потенциал, которым располагает базовый слой, расходуется преимущественно на решение проблем,

не выходящих за пределы семей. Это значит, что основная масса россиян поставлена в такие условия, когда они не могут сознательно и конструктивно участвовать в социальном обновлении общества. Это одна из самых важных социальных проблем России, без решения которой обществу не удастся справиться со стоящими перед ним проблемами.

Нижний слой

Нижний слой общества в наших расчетах представлен работниками, не имеющими профессий и выполняющими простейший труд. Это наименее образованный, самый бедный, малоинициативный и социально беспомощный слой. Доля пожилых людей здесь в 1,6 раза выше средней, женщин в полтора раза больше, чем мужчин. В 1995 г. половина, а в 1996 — треть семей этого слоя жили за чертой бедности, из них соответственно 14 и 8% вели нищенское существование. Адаптационный потенциал этого слоя невысок. За десять лет большинство его представителей так и не сумели адаптироваться к рыночным отношениям и вряд ли смогут когда-либо это сделать. Не обладая возможностью влиять на общественные процессы, они сохраняют приверженность эгалитарным и патерналистским ценностям, испытывают ностальгию по «доброму советскому времени», предпочли бы, чтобы реформы не начинались. Социально-инновационный потенциал этих людей равен нулю. Долг общества — оказать им требуемую социальную защиту и помочь дожить свою жизнь спокойно и более-менее достойно.

Выводы

Вряд ли надо доказывать, что трансформационный процесс в России в лучшем случае находится на полпути. На сегодняшний день его итоги можно определить как «олигархическую либерализацию» экономики и «бюрократическую демократизацию» общества, принесшие народу намного больше разочарований, чем достижений. С этим согласны едва ли не все политики,

публицисты и учёные. Оценки современных динамических тенденций менее однозначны. Одни авторы утверждают, что российская экономика, а вслед за нею и общество в целом продолжают скатываться всё ниже и ниже, другие видят первые признаки начинающегося перелома к лучшему.

Наши разработки материалов ВЦИОМ дают основания полагать, что в 1995–1996 гг. Россия прошла через нижнюю точку кризиса, и социальная ситуация стала медленно улучшаться. Но, во-первых, это происходит далеко не везде: некоторое оживление в одних регионах, городах и отраслях экономики сочетается со стагнацией и разложением других. В результате социальная дифференциация продолжает расти. Во-вторых, усталость от нищеты, безработицы, невыплат зарплат, неуверенности в завтрашнем дне продолжает накапливаться и после того, как жизнь становится несколько легче. Ведь чуточку меньшая, чем вчера, нищета по-прежнему остается *нищетой*, не позволяющей удовлетворять самые насущные нужды, так что круг неудовлетворённых потребностей расширяется. В силу этого наблюдающееся микроулучшение ситуации само по себе не гарантирует ни социальной стабилизации, ни роста оптимизма, ни активизации инновационной активности общества.

Для того чтобы трансформационный процесс принёс основной части российского общества *ощутимые позитивные результаты*, необходимо последовательное целенаправленное развитие реформ. Конкретное содержание экономической и социальной политики, связанной с решением этих задач, широко обсуждается в литературе, но не относится к теме этой статьи (см., например: [9, 10]). Нас же интересуют, в первую очередь, социальные движущие силы трансформационного процесса, состав и характер тех общественных групп, на усилия и поддержку которых он может в ближайшем будущем опираться.

До сих пор основным агентом преобразования российского социума была правящая верхушка, имевшая смелость

реформировать общество по своему усмотрению, без развёрнутого дискурса с остальными слоями. Но что может сделать своими силами группа, составляющая полпроцента населения? В лучшем случае — перестроить формально-правовое пространство путём разработки и издания указов, законов, подзаконных норм, инструкций и проч. Однако от реформирования общественных институтов «на бумаге» до их реального преобразования — дистанция огромного размера. Чтобы реально действовать новые институты и сделать их достаточно эффективными, требуется преобразование основной социальной ткани общества на всю его глубину и ширь, практическое освоение нового нормативно-правового пространства путём массовой социально-инновационной деятельности, формирования новых социальных практик.

Потенциальными субъектами, наиболее готовыми к такой деятельности, являются верхний и средний слои общества, более других способные воспользоваться открываемыми реформами возможностями повышения своего статуса, улучшения качества жизни и престижа. Результаты же такой деятельности опосредованно ведут к социально-экономическому подъёму общества. Что касается базового слоя, то в сложившихся условиях от него можно ожидать в лучшем случае лояльности к власти и новым хозяевам экономики. Но для успешного завершения постсоциалистической трансформации российского общества этого совершенно не достаточно.

Меры, осуществлявшиеся либеральными реформаторами в социальной сфере, с моей точки зрения, не заслуживали названия политики. Их стратегия вообще не имела открыто предъявленного обществу социального компонента. Сдвиги в социальной сфере представляли собой, скорее, стихийные, заранее не просчитывавшиеся последствия экономических преобразований [11]. Этот просчёт реформаторского правительства дал возможность многим высокостатусным группам (от банкиров и генералитета до верхушки бюрократии и иерархов

православной церкви) действовать в своих эгоистических интересах без оглядки на интересы общества. Асоциальный характер деятельности команды Гайдара-Чубайса, отсутствие у её представителей не только понимания, но и интереса к социальным проблемам завели реформы в тупик. Об этом свидетельствует не только рост протестного поведения массовых слоёв — множась забастовки, блокады, пикетирования шахтёров, учителей, работников культуры, но и сдерживающее влияние обнищания россиян на рост внутреннего платежеспособного спроса и инвестиционного потенциала мелкого и среднего предпринимательства.

Что касается новой социальной политики, о необходимости которой сейчас говорят большинство политиков, то обсуждать её конкретные направления, не зная масштабов возможного финансирования, вряд ли имеет особый смысл. Более определённо можно говорить лишь о задачах, на решение которых она должна быть направлена. Я вижу три таких задачи.

Первая — это легитимизация деятельности *правящего слоя*, его *правовое и моральное очищение*: строгое и последовательное отделение государственного аппарата от всякого частного бизнеса, преодоление тотальной коррумпированности бюрократии и правового беспредела, восстановление законности (согласно принципу «один закон для всех»), развёртывание бескомпромиссной борьбы с экономической преступностью. Добавлю: плюс покаяние власти перед народом. Несмотря на то, что это понятие девальвировано чрезмерно частым употреблением, обойтись без него невозможно. Необходимо понять, что без открытого признания властью не только своих ошибок, но и допущенных преступлений, равно как и без наказания последних, преодолеть отчуждение народа и восстановить доверие массовых групп к либерально-демократическим институтам нельзя. А при отсутствии такого доверия проводимые властью реформы просто не могут быть эффективными.

Второй задачей является экономическое, правовое и информационное содействие развитию многообразных форм легитимной и конструктивной *социально-инновационной деятельности* массовых слоёв общества в сфере хозяйственного предпринимательства и преобразования социальной сферы.

Наконец, третья задача состоит в создании необходимых условий для становления *социально-партнёрских отношений* между представителями наёмного труда, частного капитала и государственной власти.

(Воспроизводится по: Вестник РГНФ. 1998. № 3. С. 132–147)

ЛИТЕРАТУРА

1. Machonin P. Social Transformation and Modernization. To Constructing the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries. Praha, 1997.
2. Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Социологический журнал. 1995. № 3.
3. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2.
4. Уровень жизни населения России: Статистический сборник. 1996 г. Основные показатели денежных доходов населения и величина прожиточного минимума по регионам РФ. М.: Госкомстат России, 1996. С. 65–67.
5. Экономические и социальные перемены // Мониторинг общественного мнения. 1997. № 4 (30). С. 62.
6. Дискин И.Е. Россия: социальная трансформация элиты и мотивация // Куда идёт Россия?.. Альтернативы общественного развития / Под общ. ред. Т.И. Заславской, Л.А. Арутюнян. М.: Интерпракс, 1994. С. 114–125.
7. Ершова Н.С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идёт Россия?.. Альтернативы общественного развития / Под общ. ред. Т.И. Заславской, Л.А. Арутюнян. М.: Интерпракс, 1994. С. 151–155.
8. Римашевская Н.М. Сбережения населения и внутренние источники экономического роста в России. Результаты экспериментальных исследований: Тезисы доклада на заседании Отделения экономики РАН. 1997.
9. Экономические реформы в России (итоги, перспективы) / Отв. ред. В.П. Логинов. М., 1997. С. 240.
10. Шейнис В.П. Конституционный процесс на современном этапе // Куда идёт Россия? Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. С. 114–124.
11. Дахин В.Н. Социальные последствия «либеральной революции» в России // Куда идёт Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1994. С. 132–137.

Post-Socialist Transformation in Russia

Tatyana Ivanovna Zaslavskaya — RAS academician, Doctor of Science (Economics).

The paper discusses Russia's post-socialist transformation. After analyzing Russia's social structure, social strata, and socio-cultural differentiation, the author concludes that the transformation process was still midway in 1996. The liberal reformers' asocial policies actually caused the reforms to come to a standstill. The new social policy must aim such tasks as legal and moral purification of the ruling class, the promotion of social innovation among the general public, and the establishment of social partnerships across all social domains.

Keywords: society, social transformation, social type, social structure, system of public institutions, institutional substructure, substructure of social groups, social stratification, socio-cultural differentiation, socio-stratification scale, social strata

REFERENCES

1. Machonin P. Social Transformation and Modernization. To Constructing the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries. Praha, 1997.
2. Zaslavskaya T.I. Sotsial'nyi mekhanizm transformatsii rossiiskogo obshchestva // Sotsiologicheskii zhurnal. 1995. № 3 (in Russian).
3. Zaslavskaya T.I. Sotsial'naya struktura sovremennogo rossiiskogo obshchestva // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1997. № 2 (in Russian).
4. Uroven' zhizni naseleniya Rossii: Statisticheskii sbornik. 1996 g. Osnovnye pokazateli denezhnykh dokhodov naseleniya i velichina prozhitochnogo minimuma po regionam RF. M.: Goskomstat Rossii, 1996. S. 65–67 (in Russian).
5. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny // Monitoring obshchestvennogo mneniya. 1997. № 4 (30). S. 62 (in Russian).
6. Diskin I.E. Rossiya: sotsial'naya transformatsiya elity i motivatsiya // Kuda idyot Rossiya?.. Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya / Pod obshch. red. T.I. Zaslavskoi, L.A. Arutyunyan. M.: Interpraks, 1994. S. 114–125 (in Russian).
7. Ershova N.S. Transformatsiya pravyashchei elity Rossii v usloviyakh sotsial'nogo pereloma // Kuda idyot Rossiya?.. Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya / Pod obshch. red. T.I. Zaslavskoi, L.A. Arutyunyan. M.: Interpraks, 1994. S. 151–155 (in Russian).
8. Rimashevskaya N.M. Sberezheniya naseleniya i vnutrennie istochniki ekonomicheskogo rosta v Rossii. Rezul'taty eksperimental'nykh issledovaniy: Tezisy doklada na zasedanii Otdeleniya ekonomiki RAN. 1997 (in Russian).
9. Ekonomicheskie reformy v Rossii (itogi, perspektivy) / Otv. red. V.P. Loginov. M., 1997. S. 240 (in Russian).
10. Sheinis V.P. Konstitutsionnyi protsess na sovremennom etape // Kuda idyot Rossiya? Obshchee i osobennoe v sovremennom razvitii. M., 1997. S. 114–124 (in Russian).
11. Dakhin V.N. Sotsial'nye posledstviya «liberal'noi revolyutsii» v Rossii // Kuda idyot Rossiya? Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya. M., 1994. S. 132–137 (in Russian).